

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-436-453>

EDN: JIAJLY

Научная статья / Research Article

Доказательства и доказывание: законодательная техника уголовно-процессуальных законов Республики Молдова и Российской Федерации

А.В. Верещагина

Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Российская Федерация
[✉vereschagina_alla@mail.ru](mailto:vereschagina_alla@mail.ru)

Аннотация. Доказательства и доказывание – сердцевина уголовно-процессуальной регламентации, которая в значительной степени влияет на качество правоприменения. В имевших в момент распада СССР единую правовую систему государствах постсоветского пространства появились оригинальные уголовно-процессуальные законы, содержащие интересные образцы компоновки норм о доказательствах и доказывании. Цель исследования состоит в выявлении особенностей конструкции институтов доказательств и доказывания в уголовно-процессуальных законах Республики Молдова и Российской Федерации. Исследование проведено с соблюдением общенаучных принципов познания объективности, всесторонности, плюрализма, историзма и с использованием исторического, формально-логического и компаративного методов, а также анализа документов. Сопоставление нормативных моделей институтов доказательств и доказывания в молдавском и российском уголовно-процессуальном законах позволяет констатировать общность подхода к понятию доказательства как единства формы и содержания. Заслуживающими внимания особенностями молдавского уголовно-процессуального закона являются: компоновка и структурирование норм доказательственного права и корректное использование терминологии. В российском уголовно-процессуальном законе нормы доказательственного права рассредоточены в Части 1. Общие положения и частях 2 и 3, посвященных досудебному производству и судебному разбирательству; имеет место дублирование нормативных положений и неточное использование терминов. Отчасти генезис компоновки институтов доказательств и доказывания коренится в Уставе уголовного судопроизводства 20 ноября 1864 года. Систематизация норм в Уставе уголовного судопроизводства отражала особенности российского дореволюционного уголовного процесса. Без учета сложившегося в советский период стадийного строения процесса и дифференциации уголовно-процессуальной формы советский и современный законодатель сохранили дореволюционную систематизацию норм доказательственного права. Отмеченные недостатки конструкции институтов доказательств и доказывания желательно устранить, поскольку регламентация не совсем соответствует стадийному строению процесса и дифференциации уголовно-процессуальной формы и не исключает злоупотребления правом. Сопоставимость объектов сравнительного исследования в случае корректировки российского законодательства позволяет обратиться к опыту законодателя Республики Молдова.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное законодательство Республики Молдова, уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, законодательная техника,

© Верещагина А.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

доказательство, доказывание, следственное действие, собирание доказательств, представление доказательств, субъект доказывания

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 29 июня 2023 г.

Принята к печати: 15 апреля 2024 г.

Для цитирования:

Верещагина А.В. Доказательства и доказывание: законодательная техника уголовно-процессуальных законов Республики Молдовы и Российской Федерации // *RUDN Journal of Law*. 2024. Т. 28. № 2. С. 436–453. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-436-453>

Proof and proving: legislative technique of criminal procedure laws of the Republic of Moldova and the Russian Federation

Alla V. Vereshchagina

Vladivostok State University, Vladivostok, Russian Federation

 vereschagina_alla@mail.ru

Abstract. Proof and proving lies at the heart of criminal procedure regulation, significantly impacting the quality of law enforcement. In the post-Soviet states that once shared a unified legal system during the USSR dissolution, original criminal procedural laws emerged, exhibiting intriguing examples of evidence and proof rules' layout. The purpose of the study is to discern the distinct design characteristics of evidence and prove institutions in the criminal procedure laws of the Republic of Moldova and the Russian Federation. The study's methodological framework rests upon the general scientific principles of cognition such as objectivity, comprehensiveness, pluralism, and historicism. It employs historical, formal-logical and comparative methods, as well as document analysis. By comparing the normative models of evidence and proof institutions in Moldovan and Russian criminal procedure laws, a shared approach to the concept of evidence as a fusion of form and content becomes apparent. Distinct features of the Moldovan criminal procedure law include the systemic and structured arrangement of evidence rules, the formal adoption of the concept of a means of proof, and precise use of terminology. Conversely, the Russian criminal procedure law disperses evidence rules across general and specialized sections, leading to regulatory duplications and terminological inaccuracies. The historical roots of the evidence and proof institution layout trace back to November 20, 1864, Charter of Criminal Procedure. The Charter's systematization of norms reflected the nuances of the pre-revolutionary Russian process. Despite the subsequent stage structuring evolution during the Soviet era and procedural form differentiation, the Soviet legislator retained the pre-revolutionary rules' systematization on evidence. Presently, the current criminal procedure law maintains much of the previous regulatory content, highlighting essential areas for enhancement in evidence and proof institution design to align more closely with the process' stage structure and procedural form differentiation, thus mitigating potential abuse of rights. Addressing these design shortcomings is crucial. Rectifying Russian legislation following the comparative study allows drawing insights from Moldova's legislative experience.

Key words: criminal procedure legislation of the Republic of Moldova, criminal procedure legislation of the Russian Federation, legislative technique, evidence, proving, investigative action, collection of evidences, presentation of evidences, entity of proving

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 29th June 2023

Accepted: 15th April 2024

For citation:

Vereshchagina, A.V. (2024) Proof and proving: legislative technique of criminal procedure laws of the Republic of Moldova and the Russian Federation. *RUDN Journal of Law*. 28 (2), 436–453. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-436-453>

Введение

*Актуальность исследования*¹. Законодательная техника нормативно-правового акта коррелирует качество правоприменения. Российские исследователи изучают не только феномен в целом (Baranov, 2017; Vlasenko, 1995), его отдельные аспекты (Polenina, 2011; Skurko, 2022), но и особенности используемых и использованных приемов законодательной техники при создании конкретных нормативных правовых актов, в особенности Уголовного кодекса Российской Федерации² (Ivanchin, 2014). Сложно умалить роль уголовного закона, его добротности для обеспечения правопорядка, защиты прав и свобод личности, но не меньшее значение для достижения означенных целей и формирования доверия к уголовной юстиции имеет качество уголовно-процессуального законодательства. Однако работ, в которых бы излагались вопросы законодательной техники применительно к Уголовно-процессуальному кодексу РФ³, до настоящего времени практически нет. Исключение составляет достаточно давно опубликованная статья А.А. Тимошенко «Юридико-технические проблемы совершенствования уголовно-процессуального законодательства», в которой автор касается только вопроса системы и иерархии источников уголовно-процессуального регулирования (Timoshenko, 2007:80–88).

Законодательство в появившихся на постсоветском пространстве государствах, имевших в момент их образования единую правовую основу, например, Республики Молдова, существенно трансформировалось. Началу проведения судебной реформы в Молдове положила Концепция судебно-правовой реформы в Республике Молдова (далее в Тексте – Концепция)⁴, в которой неперенным условием формирования независимого, демократического и цивилизованного государства указывалась организация государственной власти на основе последовательного проведения принципа разделения властей, с четким разграничением полномочий органов разных ветвей власти. Судебно-правовое реформирование расценивалось в Концепции как важнейший этап «...перехода от системы директивного управления к демократическому правовому государству»⁵, что позволило бы обеспечить верховенство права во всех

¹ В тексте статьи использованы следующие сокращения: ОРД – оперативно-розыскная деятельность; РМ – Республика Молдова; РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика; СССР – Союз Советских Социалистических Республик; УПК – Уголовно-процессуальный кодекс; УУС – Устав уголовного судопроизводства.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954. Здесь и далее в тексте нормы закона приведены по этому источнику.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921. Здесь и далее в тексте нормы закона приведены по этому источнику.

⁴ Концепция судебно-правовой реформы в Республике Молдова. Утверждена Постановлением Парламента Республики Молдова № 152 от 21.06.1994 // Режим доступа: <http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=306826&lang=2> (дата обращения: 11.04.2024).

⁵ Концепция судебно-правовой реформы в Республике Молдова.

«социальных сферах», приоритет прав и свобод личности и их защиту. В качестве одного из принципов реформирования закреплялось так же положение о принятии и адаптации «...принципов и норм международного права и уважение их приоритета в процессе проведения реформы»⁶. Два означенных момента, по нашему мнению, не могли не повлиять на особенности структуры и содержания уголовно-процессуального закона Республики Молдова. Несмотря на, казалось бы, очевидную значимость для правоприменения качества уголовно-процессуального регулирования, и сопряженных с этим феноменом моментов, молдавские ученые изучением примененной при конструировании УПК РМ⁷ законодательной техники не занимаются (Smochina & Smochina, 2023:13–29). Единственная работа, посвященная законодательной технике, была опубликована в 1997 году (Negru & Cojocar, 1997).

В статье представлены некоторые результаты сравнительного анализа законодательной техники в конструировании институтов доказательств и доказывания в уголовно-процессуальных законах Республики Молдова и Российской Федерации.

Цель исследования: выявить в молдавском и российском уголовно-процессуальном законах особенности конструирования институтов доказательств и доказывания.

Объект исследования – общественные отношения, возникающие в ходе доказывания по уголовным делам.

Предмет исследования – нормы уголовно-процессуального законодательства, регулирующие доказывание по уголовным делам в Молдове и России.

Научная новизна исследования заключается в самом подходе к исследованию законодательной техники через сопоставление институтов доказательств и доказывания в уголовно-процессуальных законах Республики Молдова и России.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использовать полученные результаты для корректировки российского уголовно-процессуального законодательства.

Методология исследования основана на принципах научного познания – объективности, всесторонности, плюрализма, историзма. В процессе проведения исследования применялись исторический, формально-логический и компаративный методы, а также анализ документов.

Особенности компоновки норм о доказательствах и доказывании

В литературе нет единого понимания законодательной техники, ее компонентов, соотношения с родственными категориями и т.п. (Ivanchin, 2014:4, 32; Kibak, 2013:216–218). Не вдаваясь в тонкости дискуссии, отметим лишь, что в публикации мы коснулись только некоторых моментов законодательной техники, преимущественно размещения и структуризации нормативного материала, логического и языкового аспектов (Ivanchin, 2014: 132).

В действующем уголовно-процессуальном законе Республики Молдова доказательственному праву посвящен раздел IV Общей части. Нормы означенного раздела сгруппированы в трех главах, названных «Основные положения», «Доказывание» и «Средства доказывания и методы доказывания». Иными словами, в одном

⁶ Концепция судебно-правовой реформы в Республике Молдова.

⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14.03.2003 № 122-XV // Режим доступа: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=141507&lang=ru# (дата обращения: 11.04.2024). Здесь и далее в тексте нормы закона приведены по этому источнику.

структурном элементе закона – разделе IV – содержатся положения, раскрывающие легальное содержание понятий доказательство, виды доказательств, свойства доказательств, предмет доказывания и др., и, одновременно, детально регламентирующие процессуальные действия, посредством которых происходит собирание и проверка доказательств. Консолидированное изложение перечисленных выше вопросов доказательственного права отнюдь не означает, что в УПК РМ не учитываются особенности доказывания в уголовно-процессуальных стадиях и особых производствах (смотри, например, статьи 280–282.1, 367–375, 475, 478–479, 481 и другие). При этом подчеркнем, молдавский законодатель с учетом подробного изложения вопросов доказательств и доказывания в общей части уголовно-процессуального закона касается в особенной части исключительно специфических, характерных для конкретной стадии или особого производства вопросов. К примеру, в статье 370 УПК РМ, посвященной допросу свидетеля в стадии рассмотрения дела судом первой инстанции, указаны такие нюансы как осуществление допроса отдельно и в отсутствие недопрошенных свидетелей; очередность допроса свидетелей – сначала допрос свидетелей обвинения, затем защиты; возможность допроса свидетеля по ходатайству прокурора в отсутствие подсудимого; право сторон задавать дополнительные вопросы в целях прояснения и дополнения данных ответов и другое.

В российском уголовно-процессуальном законе подход несколько иной. Нормы институтов доказательств и доказывания рассредоточены. Некоторые нормы содержатся в Разделе III «Доказательства и доказывание» (главы 10 и 11 соответственно «Доказательства в уголовном судопроизводстве» и «Доказывание») Части 1. Общие положения, а некоторые – в Разделах VII, VIII и IX – «Возбуждение уголовного дела» (глава 19), «Предварительное расследование» (главы 21 – 27) и Разделе IX «Производство в суде первой инстанции» (глава 37 УПК РФ) соответственно Частей 2 и 3 «Досудебное производство» и «Судебное разбирательство».

Конечно, выбор организации нормативного материала – прерогатива законодателя. Тем не менее, имеющееся в молдавском уголовно-процессуальном законе решение представляется достаточно интересным. Такое изложение соответствует логике деления в молдавском законе нормативного материала на общую и особенную части; обеспечивает единую общую регламентацию для всех стадий и особых производств, но с учетом специфики стадий и особых производств; оптимизирует изложение и поиск нормативного материала; минимизирует повторы в законе и использование ссылочных диспозиций, расширяющих возможности правоприменителя действовать по усмотрению, что порой ведет к злоупотреблению правом. Диаметральное решение, по нашему мнению, продуцирует ряд недостатков: несоответствие членению закона на общие и специальные положения, регулирующие процедуру в отдельных стадиях или при применении специальных процедур; искажение логической последовательности регламентации; дублирование нормативных положений; переизбыток ссылочных диспозиций; некорректность использования в законе терминологии.

Гипотеза о генезисе организации норм доказательственного права в УПК РФ

Смысл выделения Части 1. Общие положения в УПК РФ заключается в изложении в этом разделе норм, регулирующих процедуры единые (общие) для всех стадий и особых производств, к коим наряду с понятием и видами источников; принципами уголовного судопроизводства; статусом участников уголовного процесса; понятием,

системой и процедурой применения мер процессуального принуждения и прочее, относятся нормы доказательственного права. Напротив, положения частей 2–5 УПК РФ закрепляют процедуры, характерные для конкретной уголовно-процессуальной стадии, либо особых производств и т.д. Однако в России, как отмечалось выше, нормы доказательственного права, в отличии, например, от института мер процессуального принуждения, рассредоточены по всем частям уголовно-процессуального закона.

Возможно, современный российский законодатель воспринял опыт предшественников в конструировании стадии предварительного расследования. В частности, в Разделе II «О предварительном следствии» Устава уголовного судопроизводства 20 ноября 1864 года, в том числе регламентировались вопросы «начатия» следствия, производства следственных действий (главы III – V, VII, IX)⁸. Но здесь следует учитывать иное дореволюционное судоустройство и стадийное строение процесса, детерминировавшие систематизацию уголовно-процессуальных норм. Устав уголовного судопроизводства состоял из трех книг: «Порядок производства в мировых судебных установлениях», «Порядок производства в общих судебных установлениях» и «Изыятия из общего порядка уголовного судопроизводства». Судебный следователь принадлежал к судебному ведомству, дифференциации досудебной подготовки материалов к судебному разбирательству в общих судебных установлениях не было. Дифференциация досудебного производства лишь обсуждалась в Комиссии Н.В. Муравьева на рубеже XIX–XX веков (Vereshchagina, 2010:54–58). Именно поэтому помещение норм об «исследовании события преступления» в Раздел II «О предварительном следствии» Книги «Порядок производства в общих судебных установлениях» обоснованно.

В первом уголовно-процессуальном законе советского государства⁹ распределение нормативного материала напоминает имевшееся в Уставе уголовного судопроизводства. Расследование производили следователи (народные и военные), находившиеся при судах, трибуналах и Народном Комиссариате Юстиции (пункт 5 статьи 23 УПК РСФСР 1922 года). Налицо наряду с пониманием досудебной подготовки материалов как деятельности, исходящей от судебной власти, формирование возобладавшего в последующем подхода – включение следственных подразделений в органы исполнительной ветви власти и закрепление за ними функции уголовного преследования. Как и в Уставе уголовного судопроизводства, нормы доказательственного права фиксировались в главах XI, XIII–XVI Отдела второго, посвященного досудебному производству. Кроме того, в анализируемом нормативном правовом акте появляется глава VIII «Дознание» – предтеча института дознания как самостоятельной формы досудебной подготовки материалов к судебному разбирательству. Материалы произведенного дознания по преступлениям небольшой тяжести (наказание до 1 года лишения свободы) могли направляться, минуя прокурора, в суд (пункт 2 статьи 107). Это положение, как представляется, легализовало идеи некоторых дореволюционных юристов о придании протоколам дознания статуса

⁸ Устав уголовного судопроизводства от 20.11.1864 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXIX. Отделение второе. 1864. № 41476. Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии. 1867. Здесь и далее в тексте нормы документа приведены по этому источнику.

⁹ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 25.05.1922 // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства, издаваемое Народным Комиссариатом Юстиции. 1922. № 20–21.

доказательств, «которые бы исследовались в суде наравне с материалами предварительного следствия» (Vereshchagina, 2010: 53).

Изложенное позволяет охарактеризовать как переходную регламентацию досудебной подготовки материалов в УПК РСФСР 1922 г., в которой сохранялись некоторые элементы дореволюционного законодательства: принадлежность следователя к судебному месту и закрепление его прерогативы на производство следственных действий с одновременным формированием института дознания, ставшего в последующем самостоятельной формой предварительного расследования. Иными словами, несмотря на наметившуюся тенденцию дифференциации процессуальной формы досудебной подготовки материалов, в УПК РСФСР 1922 г. сохранилась регламентация институтов доказательств и доказывания с привязкой исключительно к деятельности следователя как в Уставе уголовного судопроизводства.

В соответствии с предписаниями УПК РСФСР 1960 года¹⁰ производство предварительного расследования производилось дознавателями и следователями различных исполнительных органов власти (КГБ, МВД, прокуратуры – статья 125) и утвердились две формы досудебной подготовки материалов – дознание и предварительное следствие, но это обстоятельство законодатель не учел, и компоновка нормативного материала осталась прежней – в главах о предварительном следствии (смотри главы 11–16 Раздела второго «Возбуждение уголовного дела, дознание и предварительное следствие»), как это было во второй половине XIX – начале XX в., когда, повторимся, нормативная модель уголовного судопроизводства, включая досудебное, была другой. Сложившийся в УПК РСФСР 1960 г. порядок размещения нормативного материала без какого-либо критического переосмысления, без учета стадийного построения процесса, дифференциации уголовно-процессуальной формы, современный законодатель привнес в УПК РФ 2001 г.

Несоответствие размещения значительной части норм доказательственного права в разделах, посвященных предварительному следствию, дифференциации уголовно-процессуальной формы предварительного расследования и стадийному построения процесса

Как упоминалось выше, размещение норм о процедуре производства следственных действий в главе 22 УПК РФ, именуемой «Предварительное следствие» не соответствует имеющейся в российском уголовном процессе дифференциации процессуальной формы предварительного расследования, осуществляемого также в форме дознания и дознания в сокращенной форме. Буквальное толкование норм главы 22 УПК РФ позволяет прийти к выводу об осуществлении следственных действий только при производстве предварительного следствия. Эта интерпретация подкрепляется положениями статей 177–189, 190–193, 195–197, 199, 202, 205, 206 УПК РФ, закрепляющими процедуры следственных действий, в соответствии с которыми правом на их производство наделен единственный субъект – следователь.

Кроме того, некоторые следственные действия производятся не только в стадии предварительного расследования, но и возбуждения уголовного дела при проведении доследственной проверки (осмотры, назначение судебной экспертизы и получение заключения эксперта, освидетельствование – часть 1 статьи 144 УПК РФ)

¹⁰ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27.10.1960 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

и судом при рассмотрении дела по существу – допрос; судебная экспертиза; осмотры вещественных доказательств, местности и помещения; освидетельствование; следственный эксперимент; предъявление для опознания (статьи 275, 277, 278, 280, 281.1, 282–284, 287–290 УПК РФ). Диспозиции части перечисленных норм не конкретизируют процедуры следственных действий и отсылают к положениям глав 24–27 УПК РФ, нормы которых, повторимся, помещены в Разделе VIII «Предварительное расследование», и единственным субъектом производства следственных действий в них указан следователь.

Отчасти исключением являются предписания статей 189.1 и 194 УПК РФ. Закрепляя особенности производства допроса с применением систем видеоконференцсвязи (статья 189.1), законодатель указывает двух надлежащих субъектов – следователя и дознавателя, осуществляющих расследование соответственно в форме предварительного следствия и дознания. Что касается проверки показаний на месте, то содержащиеся в статье 194 УПК РФ положения, наоборот, не обозначают никаких субъектов производства этого следственного действия, что, на наш взгляд, более приемлемо с точки зрения имеющейся системы стадий, дифференциации уголовно-процессуальной формы и множественности субъектов доказывания (дознаватель, следователь, судья (суд)), имеющих право придать процессуальную форму сведениям о фактах. Указание единственного субъекта производства следственных действий понуждает дознавателей применять для восполнения пробела в системе субъектов, имеющих право на производство следственных действий, аналогию закона.

Таким образом, вопреки стадийному построению российского уголовного процесса и имеющимся формам досудебной подготовки материалов к судебному разбирательству, полномочиям суда о производстве различных видов осмотров, освидетельствования и т.п. в ходе судебного разбирательства законодатель значительную часть нормативного материала об основном способе собирания и проверки доказательств – следственных действиях разместил в главах, посвященных предварительному следствию, указав в подавляющем большинстве случаев в качестве единственного субъекта их производства следователя.

Дублирование нормативных положений

Отсутствие аккумулированного закрепления норм институтов доказательств и доказывания привело к дублированию, а иногда и утравиванию одного и того же материала в законе. Например, в главе 10 «Доказательства в уголовном судопроизводстве» перечисляются виды доказательств и сжато описывается их содержание, которое зачастую сводится к указанию формы получения и уголовно-процессуальной стадии (статьи 76–80 УПК РФ). Наиболее лаконично дано понятие протоколов следственных действий и судебного заседания, ограничивающееся констатацией о том, что протоколы являются доказательствами, если получены в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона (статья 83 УПК РФ). Исключением из лапидарной регламентации являются положения статей 81–82 УПК РФ, достаточно детально прописывающие понятие вещественного доказательства, процедуры придания ему процессуальной формы, хранения и «судьбы» вещественного доказательства.

Нормы главы 10 УПК РФ конкретизируются в главах, посвященных общим условиям предварительного расследования и предварительному и судебному

следствию (главы 21, 22, 37 УПК РФ). Словом, закон несколько раз описывает одни те же виды доказательств – кратко в главе 10 УПК РФ, помещенной в Часть 1. Общие положения, более подробно применительно к конкретным уголовно-процессуальным стадиям.

Изобилие ссылочных диспозиций в нормах, посвященных видам доказательств и процедурам их собирания и проверки

Описание видов доказательств, различных аспектов процедуры их собирания и проверки в 78,94% случаев в российском уголовно-процессуальном законе сопряжено с применением ссылочных диспозиций (смотри статьи 76–84; 163–166, 168–175, 177–180, 182–186.1, 188–193, 195, 199, 202, 203, 205, 207 УПК РФ) против 36,95% ссылочных диспозиций в УПК РМ (статьи 102–110.1, 111–131, 132–132.11, 133–134.6, 135–138.3, 139–141, 142–153, 154–156, 157–164 УПК РМ). Сложно не согласиться с утверждением о том, что применение ссылочных диспозиций при конструировании нормативных предписаний является способом «...экономии нормативного материала...» «...с целью компактного изложения...» (Soloviev, 2015:67). Но есть и обратная сторона медали. Одно дело – когда к ссылочной диспозиции прибегают для избежания дублирования имеющейся нормы, другое – когда ссылочная диспозиция, напротив, следствие дублирования нормативного материала. Целесообразность применения ссылочной диспозиции можно проиллюстрировать нормой части 5 статьи 177 УПК РФ, содержащей ссылку на статью 165 УПК РФ, посвященную процедуре получения судебного разрешения на производство некоторых следственных действий, в данном случае осмотра в жилище без согласия проживающего в нем лица. Напротив, следствием имеющих в законе повторов является положение статьи 78 УПК РФ, в которой не содержится никакой конкретики касательно такого вида доказательства, как показания подозреваемого, а есть лишь адресация к нескольким статьям уголовно-процессуального закона, в нормах которых также есть ссылки. Иными словами, образуется цепочка ссылок. Изучение и применение совокупности норм, на которые есть ссылки, – необходимость, позволяющая в итоге избежать признания доказательства недопустимым (часть 3 статьи 7 УПК РФ). Доминирование в нормах институтов доказательств и доказывания ссылочных диспозиций имеет несколько негативных последствий, в частности: нормативный материал из-за обилия ссылок малодоступен для простых, непрофессиональных (а иногда и профессиональных, например, начинающих юристов) «потребителей» права, что не соответствует сформулированному еще в Древнем Риме правилу: Законы должны быть понятны каждому (*Leges intellegi ab omnibus debent*); имеющиеся многочисленные отсылки от нормы к норме затрудняют правоприменение, превращая субъекта уголовно-процессуальной деятельности в «книжного червя», перманентно исследующего и сопоставляющего предписания, рассредоточенные по всему тексту уголовно-процессуального кодекса, для целей аутентичного применения; при таких сложных конструкциях нормативных положений и их взаимных связей не исключены невольные, а иногда намеренные ошибки (Vereshchagina, 2021:156–166).

Как правильно именовать способы собирания и проверки доказательств – следственные или процессуальные действия?

Молдавский законодатель отказался от использования термина следственное действие, и обозначает действия по собиранию и проверке доказательств термином «процессуальное действие». Такой подход обусловлен предусмотренной молдавским уголовно-процессуальным законом множественностью приемов собирания и проверки доказательств. В УПК РМ легализованы понятия доказательство и средства доказывания. Под доказательством понимается фактическое данное, полученное в соответствии с законом, позволяющее правильно разрешить уголовное дело (пункт 33 статьи 6). Средство доказывания, по мысли молдавского законодателя, – это предусмотренные законом способы сбора доказательств, включая их проверку (пункт 27 статьи 33, часть 1 статьи 100). В УПК РМ в переводе на русский язык упоминается термин методы доказывания. Исходя из системного толкования норм статей 93 и 100 УПК РМ, а также обращения к тексту закона на румынском языке (ст. 13 Конституции РМ)¹¹, где в формулировке названия анализируемого раздела и в текстах норм молдавский законодатель использует слова «mijloacele» (средства), «proba» (доказательство), «proban» (доказательный), «procedură» (процедура) и их производные, и, напротив, не использует слово «metodă» (метод), точнее говорить не о методах, а о процедурах (правилах) собирания и проверки доказательств. Подтверждением данного вывода так же являются перечисленные в законе виды доказательств, которые условно можно разделить на две группы: 1) показания различных участников уголовного процесса (пункт 1 части 2 статьи 93 УПК РМ) и 2) разного рода материалы фиксации фактических данных (пункты 2 – 10 части 2 статьи 93 УПК РМ), получаемых в процессе их собирания и проверки с соблюдением предусмотренных законом процедур (часть 1 статьи 100 УПК РМ) (процедура проведения осмотра, обыска, выемки, опознания, опроса, контролируемой поставки и прочее).

Исходя из изложенного к средствам доказывания (собирания и проверки доказательств) в молдавской постановке следует отнести 1) следственные действия (в российской терминологии); 2) специальные розыскные мероприятия; 3) научно-технические и судебно-медицинские исследования; 4) производство судебной экспертизы; 5) получение образцов для сравнительного исследования; 6) материальные средства доказывания, а к методам доказывания, как это обозначено в русскоязычном варианте, процедуры производства означенных выше процессуальных действий.

В российском уголовно-процессуальном законе есть лишь дефиниция понятия «доказательство», под которым понимается любое фактическое данное, полученное надлежащим субъектом (суд, прокурор, следователь, дознаватель) в определенном законом порядке для установления наличия или отсутствия «...обстоятельств, подлежащих доказыванию..», а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела» (часть 1 статьи 74). Что касается понятия «средство доказывания», то такой термин, повторимся, в УПК РФ не используется. Тем не менее системное толкование положений пунктов 19 и 33 статьи 5, части 1 статьи 86, части 1 статьи 208, части 3 статьи 209, пункта 2 части 1 статьи 211 УПК РФ позволяет прийти к выводу о том, что доминирующим способом собирания и проверки доказательств является

¹¹ Государственный язык Республики Молдова румынский // Конституция Республики Молдова от 29.07.1994//Режим доступа: <https://constitutia.md/republica-moldova/> (дата обращения: 11.04.2024).

следственное действие – вид процессуальных действий, посредством которых собираются и проверяются доказательства. Отсутствие легального определения следственных действий обусловило появление теоретических определений рассматриваемого феномена, которые, несмотря на их многочисленность и особенности формулировок, содержательно совпадают и под следственными авторами понимаются процессуальные действия, направленные на собирание и проверку доказательств (Shafer, 2015:115–118).

Сопоставление легальных определений позволяет прийти к выводу об общем понимании в обоих законах доказательства как сочетания формы и содержания. Но при этом в УПК РМ этот подход более четко выражен различием содержания (понятие доказательства как фактического данного) и формы (получение приемами, предусмотренными законом), в УПК РФ этот подход презюмируется. Особенностью молдавского закона, как указано выше, также является более широкий спектр способов собирания и проверки доказательств. Есть и еще одна отличительная черта – в молдавской формулировке понятия доказательства отсутствует конкретизация субъектов доказательственной деятельности (статьи 99 и 100).

Отмеченные моменты, на наш взгляд, заслуживают внимания. Во-первых, несмотря на низведение в российском законе собирания и проверки доказательств только до производства следственных действий (часть 2 статьи 74 УПК РФ), фактически доказывание осуществляется и другими способами, иногда упоминаемыми, а иногда только подразумеваемыми законом. Например, в норме части 1 статьи 144 УПК РФ наряду с некоторыми следственными действиями указаны такие приемы проверки сообщения о преступлении как получение объяснений; истребование и изъятие предметов и документов; исследование предметов, документов и трупов; проведение документальных проверок и ревизий; дача письменных поручений органу дознания о проведении оперативно-розыскных мероприятий и др. При этом полученные в ходе доследственной проверки сведения могут использоваться в качестве доказательств, если соответствуют нормативным предписаниям статей 75 и 89 УПК РФ. Доказательственное значение полученных в ходе доследственной проверки сведений, в том числе посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий опрос (одна из форм документирования – объяснение) (Yakovets, 2023:216); наведение справок (одним из способов проведения является направление запросов с целью «затребования» «чего-нибудь у кого-нибудь») (Schmidt, 2019:25); сбор образцов для сравнительного исследования (Isaenko, 2013; Kornev, et al., 2022); исследование предметов и документов (оформляется справкой об исследовании) (Kalyuzhny & Vlasov, 2013) (статья 6 ФЗ «Об ОРД»)¹² подтверждается также нормами статьи 226.5 УПК РФ, допускающими использовать при соблюдении ряда условий материалы доследственной проверки напрямую в доказывании (например, объяснения). Исходя из смысла изложенных норм законодатель развивает положения, намеченные в статье 89 УПК РФ о возможности при соблюдении некоторых условий использования в процессе доказывания результатов оперативно-розыскной деятельности. Суды, несмотря на имеющееся в научной литературе неоднозначное отношение к включению в процесс доказывания результатов оперативно-розыскной деятельности (Shafer,

¹² Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ (последняя редакция) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/?ysclid=linbng0f38876593888 (дата обращения: 08.06.2023). Здесь и далее в тексте нормы закона приведены по этому источнику.

2015), позицию Конституционного Суда РФ о том, что результаты оперативно-розыскной деятельности не доказательств, а лишь сведения об источниках фактов, требующие надлежащего процессуального оформления¹³, которая, подчеркнем, на наш взгляд не согласуется с приведенными выше нормам статей 144 и 226-5 УПК РФ, обосновывая свои решения зачастую указывают в числе доказательств материалы оперативно-розыскной деятельности. Например, Вахитовский районный, Альметьевский городской суды в подтверждение виновности привлекаемых к уголовной ответственности лиц ссылались на протоколы исследования предметов и документов¹⁴, Ленинский районный суд г. Махачкалы на постановление о проведении негласной проверочной закупки, протоколы личного досмотра условного покупателя, осмотра и вручения денежных средств перед проведением оперативно-розыскного мероприятия «Проверочная закупка», акт вручения специальной скрытой аудио-видео записывающей аппаратуры и др.¹⁵, Красноярский краевой суд на результаты документирования оперативно-розыскных мероприятий наблюдение и прослушивание телефонных переговоров¹⁶, Калужский областной суд на материалы «об оперативно-розыскной деятельности»¹⁷ и т.д.

Наряду с проведением оперативно-розыскных мероприятий для получения доказательственной информации возможно производство и других упоминаемых в законе действий – документальные проверки, ревизии¹⁸.

Кроме того, в части 2 статьи 74 УПК РФ закреплен самостоятельный вид доказательств иные документы, требования к процессуальной форме и процедуре вовлечения которых в орбиту доказывания в УПК РФ не фиксируются. Иные документы могут быть получены не только в процессе проведения «поисковых» следственных действий, прежде всего выемки и обыска, но и путем направления запросов дознавателем, следователем, судом; представлением их участниками процесса во время производства других следственных действий – чаще допросов, но не исключены и опо-

¹³ Определение Конституционного Суда РФ от 28.09.2017 № 2211-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Урванцевой Веры Борисовны на нарушение ее конституционных прав частью четвертой статьи 21, статьями 86, 87 и 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, статьями 2, 6 и 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28092017-n-2211-o/?ysclid=linsyq4zd> (дата обращения: 09.06.2023).

¹⁴ Приговор Вахитовского районного суда г. Казани по делу № 1-111/2017 от 31.08.2017. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/iIXa7K8FIPZO/?ysclid=lgokl4dzkv867224845> (дата обращения: 20.04.2023); приговор Альметьевского городского суда по делу № 1-267 от 10.06.2013. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/NkcPjf0Mjy6O/?page=2®ular-court> (дата обращения: 20.04.2023).

¹⁵ Приговор Ленинского районного суда г. Махачкалы по делу № 1-384/2022 от 07.11.2022. Режим доступа: https://384/2022sudact.ru/regular/doc/FZy9JmxtlBQw/?regular-txt=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo (дата обращения: 18.06.2023).

¹⁶ Апелляционное постановление Красноярского краевого суда по делу №22–6428–2018 от 30.10.2018. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/bX1aSrWNQAWm/?ysclid=lgof3wxg9426379442> (дата обращения: 20.04.2023).

¹⁷ Приговор Калужского областного суда по делу № УК-2-9/2017 от 14.08.2017. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/JatA6ewaa5Qq/?ysclid=lgoearevm775952218> (дата обращения: 20.04.2023).

¹⁸ В уголовно-процессуальных законах некоторых государств постсоветского пространства содержится регламентация процедуры производства ревизии. См., например, главу 22-1 «Ревизия» УПК Республики Узбекистан. Утв. Законом РУз от 22.09.1994 № 2013-ХІІ (по состоянию на 26.04.2023). Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421101&pos=504;-44#pos=504;-44 (дата обращения: 06.06.2023).

знание, следственный эксперимент; в конце концов иные документы могут инициативно доставляться лицами, не имеющими процессуального статуса. Словом, если содержание иного документа определяется двумя критериями – позитивным – относимость и негативным – необладание признаками вещественного доказательства (части 1 и 4 статьи 84 УПК РФ), то что касается способа получения, то он применительно к иным документам открыт, не конкретизирован.

В нормах упомянутой выше статьи 86 УПК РФ указаны приемы собирания доказательств различными субъектами уголовно-процессуальных отношений – истребование письменных документов, предметов, справок; опрос лиц с их согласия и прочее (части 2 и 3 статьи 86 УПК РФ). Причем, как и в вышеописанных случаях, законодатель никаких процедур собирания доказательств не излагает.

В дополнение отметим, что в уголовно-процессуальном законе России есть процедуры, которые в узком смысле не относятся к следственным действиям, но связаны с доказыванием, иногда предвосхищают производство следственного действия: получение образцов для сравнительного исследования – производство судебной экспертизы (статья 202 УПК РФ); эксгумация – осмотр трупа (статья 78 УПК РФ).

Исходя из изложенного очевидно, что де-факто российский уголовно-процессуальный закон допускает в целях собирания доказательств не только производство следственных действий, но и использование иных приемов.

Следовательно, для оптимизации правоприменения желательно внести корректировки в закон в части изложения нормативного материала институтов доказательств и доказывания и упорядочения применяемой терминологии. Правильнее, с учетом имеющихся в российском уголовно-процессуальном законе положений, некоторые из которых приведены выше, либо отказаться от применения термина «следственное действие» как единственного средства собирания и проверки доказательств, заменив его родовым понятием «процессуальное действие», либо использовать его наряду с другими фактически допускаемыми приемами собирания и проверки доказательств, при условии консолидированного изложения положений о доказательствах и доказывании.

Стоит ли перечислять в нормах о доказательствах и доказывании субъектов доказывания?

Как указывалось выше, одной из особенностей формулировки легального понятия доказательства в молдавском уголовно-процессуальном законе является отсутствие перечня лиц, занимающихся деятельностью по доказыванию. Молдавский законодатель конкретизировал возможности субъектов уголовно-процессуальных отношений по участию в доказывании в их процессуальных статусах. Объем процессуальных полномочий субъектов доказывания варьируется. Так, прокурор не только руководит, но и непосредственно осуществляет уголовное преследование, контролирует соблюдение законности. Прокурор полномочен проверять «качество доказательств»; давать письменные указания о производстве действий по уголовному преследованию; принимать постановления о производстве выемки предметов и документов и др.; обращаться с ходатайствами в судебную инстанцию о производстве задержания, изучения, выдачи, досмотра или выемки почтовых отправок; прослушивания телефонных и иных переговоров; других действий, требующих разрешения судьи по уголовному преследованию; предъявлять обвинение и

допрашивать обвиняемого и т.д. (статья 52 УПК РМ). Основным субъектом доказывания является офицер по уголовному преследованию, который инициирует перед прокурором обращение в суд с ходатайствами на получение в необходимых случаях санкции на производство уголовно-процессуальных действий и специальных розыскных мероприятий; осуществляет допросы; производит осмотры, обыски, изъятия и истребования предметов и документов; принимает решение о проведении ревизий, инвентаризаций, судебных экспертиз и иных действий; представляет прокурору собранные доказательства для предъявления обвинения и т.д. (статья 57 УПК РМ).

Что касается обладающих правовым интересом в деле участников процесса (пострадавший, потерпевший, гражданский истец, подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, гражданский ответчик) и их защитников, представителей и законных представителей, то они имеют право предоставлять документы, предметы и другие средства доказывания (пункт 2 части 3 статьи 58; пункт 3 части 1 статьи 60; пункт 2 части 1 статьи 62; пункт 1 части 2 статьи 64; пункт 15 части 2 статьи 66; пункт 5 части 2 статьи 68; пункт 2 части 1 статьи 74; пункт 6 части 1 статьи 78; пункт 4 части 1 статьи 80 УПК РМ). Прочитанная формулировка одинакова во всех перечисленных выше статусах, лапидарна, но при этом отличается существенным моментом от российского аналога. Молдавский законодатель указывает, что в процессе доказывания означенные выше лица представляют предметы и средства доказывания, а не доказательства, как это имеет место в российском уголовно-процессуальном законе. Исключительным правом оценки доказательств обладают только орган уголовного преследования или суд (часть 2 статьи 99, часть 1 статьи 100 УПК РМ). Что касается объема процессуальных прав защитника по участию в доказывании, то в УПК РМ и УПК РФ они сопоставимы (часть 2 статьи 100 УПК РМ, часть 3 статьи 86 УПК РФ), и их возможности производны от решения правоприменителя: заявление¹⁹ стороны процесса или другого заинтересованного лица должно быть удовлетворено, если способствует всестороннему, полному и объективному расследованию обстоятельств дела и обеспечивает соблюдение прав и законных интересов сторон и других лиц, участвующих в процессе (часть 1 статьи 247 УПК РМ, статья 119, 159, 271 УПК РФ).

Приведенные положения молдавского и российского уголовно-процессуальных законов свидетельствуют о тождественности понимания роли субъектов уголовно-процессуальных отношений в доказывании, суть которой заключается в признании прерогативы ограниченного круга субъектов – либо осуществляющих уголовное преследование, либо суда придавать информации форму доказательства, чему противоречат положения и УПК РМ, и УПК РФ о возможностях по участию в доказывании некоторых участников уголовного судопроизводства (смотри перечисленные выше статьи УПК РМ и, например, пункт 4 части 2 статьи 42, пункт 2 части 4 статьи 44, часть 3 статьи 45, пункт 4 части 4 статьи 46 УПК РФ). Несмотря на различия в используемых терминах – право предоставлять документы, предметы и средства доказывания, то есть собирать и проверять фактические данные – УПК РМ и предоставлять доказательства – УПК РФ, фактически и молдавский, и российский законодатель наделил участников уголовного судопроизводства правом придавать фактическому данному форму доказательства, что не соответствует означенной

¹⁹ Понятие заявления аналогично понятию ходатайство, используемому в российском уголовно-процессуальном законе. Смотри часть 1 статьи 244 УПК РМ.

выше прерогативе ограниченного круга субъектов придавать фактическому данному форму доказательства.

Следует отметить и еще имеющиеся некорректности в российском законе. В нормах части 1 статьи 74 и части 1 статьи 86, 87 УПК РФ прокурор указан как субъект собирания и проверки доказательств. Эти положения не корреспондируют уголовно-процессуальному статусу прокурора (статья 37 УПК РФ). Что касается досудебного производства, то роль прокурора в доказывании сводится к осуществлению в различных формах и объеме надзора за соблюдением закона в ходе осуществления предварительного расследования и дачи указаний дознавателю о направлении расследования. Прокурор не имеет полномочий по производству следственных и процессуальных действий по собиранию и проверке доказательств, в отличие от прокурора в Республике Молдова. В судебных же стадиях прокурор является стороной обвинения в процессе, и реализация процессуальных возможностей по доказыванию, включая вовлечение доказательственной информации в доказывание, зависит от решения судьи (суда) (статья 271 УПК РФ).

Кроме того, органы дознания могут собирать и проверять доказательства, производя доследственную проверку, неотложные следственные действия и выполняя поручения следователя (пункт 4 части 2 статьи 38, пункт 2 части 2 статьи 40, части 1, 1.1, 1.2 статьи 144, 157 УПК РФ).

Таким образом, отсутствие в молдавском определении перечисления субъектов, полномочных собирать и проверять доказательства, выглядит оправданным. Законодатель сосредоточился в дефиниции на самом понятии доказательства, конкретизировав возможности по доказыванию в статусах участников уголовно-процессуальных отношений. Имеющийся в российском законе подход менее убедителен. Во-первых, в дефиниции важен сам феномен доказательства. Во-вторых, обозначая в дефиниции субъектов доказывания, законодатель некорректно вводит в их число прокурора и, напротив, «забывает» о сотрудниках органов дознания, которые могут собирать и проверять доказательства не только при производстве неотложных следственных действий и исполнении поручений следователя, но иногда доказательствами являются непосредственно результаты оперативно-розыскной деятельности.

Заключение

Единая правовая система Республики Молдова и Российской Федерации в момент суверенизации государств является предпосылкой проведения компаративных исследований.

Несмотря на сходство некоторых содержательных моментов (понятия предмет доказывания, доказательство, элементы доказывания и другое) в регламентации институтов доказательств и доказывания в Молдове и России есть серьезные различия.

К положительным моментам следует отнести стремление молдавского законодателя максимально полно изложить нормы доказательственного права в общей части уголовно-процессуального закона. Признание молдавским законодателем многообразия способов собирания и проверки доказательств (средств доказывания) и их системное изложение в общей части уголовно-процессуального закона.

Этот подход позволил значительно уменьшить количество ссылочных норм, иногда негативно сказывающихся на качестве правоприменения.

Несмотря на обозначенные положительные моменты, регламентация институтов доказательств и доказывания несвободна от недостатков. В частности, можно отметить дефектность, заключающуюся в наделении участников уголовного судопроизводства правом предоставлять средства доказывания, а не фактические данные.

Опыт конструирования институтов доказательств и доказывания в УПК Молдовы вполне может быть учтен как в силу отмеченной выше общности правовой материи к моменту появления суверенных государств, так и имеющихся в российском уголовно-процессуальном законе предпосылок для подобной корректировки. Прежде всего, в понимании доказательства как сочетания формы и содержания («двойственная» концепция понятия доказательства), закреплении в некоторых нормах наряду со следственными действиями таких способов получения доказательственной информации, как оперативно-розыскные мероприятия, представление информации доказательственного значения участниками уголовно-процессуальных отношений, не обладающих властными полномочиями, упоминания в законе в качестве способа собирания и проверки доказательств процессуальных действий.

Представляется целесообразным 1) в Части 1. Общие положения УПК РФ изложить более последовательно нормы доказательственного права, включая процедуру собирания и проверки доказательств, что в большей степени соответствует тому непреложному факту, что доказывание – это перманентная деятельность, осуществляемая на всех процессуальных стадиях; 2) систематизировать с учетом имеющихся в УПК РФ положений способы собирания и проверки доказательств; 3) детализировать положения статьи 89 УПК РФ о возможности использования в процессе доказывания результатов оперативно-розыскной деятельности; 4) тщательно поработать над нормами доказательственного права в целях корректного и однозначного использования терминов, устранения дублирования нормативных положений, минимизации использования ссылочных норм.

References / Список литературы

- Baranov, V.M. (2017) *Essays on the technique of lawmaking. Selected works*: monograph. Moscow, Justice Publ. (in Russian).
Баранов В.М. Очерки техники правотворчества. Избранные труды: монография. М.: Юстиция, 2017. 586 с.
- Isaenko, V. (2013) On phonoscope forensic examination samples. *Criminal law*. (6), 114–119. (in Russian).
Исаенко В. Об образцах для судебно-экспертного фоноскопического исследования // Уголовное право. 2013. № 6. С. 114–119.
- Ivanchin, A.V. (2014) *Internal and external legislative technique in the structure of criminal lawmaking*: monograph. Ryazan, Kontseptsiya Publ. (in Russian).
Иванчин А.В. Внутренняя и внешняя законодательная техника в структуре уголовного правотворчества: монография. Рязань: Концепция. 2014. 184 с.
- Kalyuzhny, A.N. & Vlasov, V.V. (2013) The study of objects and documents in the law of modern Russia: aspects of the production and recording. *Bulletin of Vladimir Law Institute*. 1(26), 91–93. (in Russian).
Калюжный А.Н., Власов В.В. Исследование предметов и документов в законодательстве современной России: аспекты производства и фиксации // Вестник Владимирского юридического института. 2013. № 1(26) С. 91–93.
- Kibak, I.A. (2013) Legislative technics in Legislative activity. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. (1), 214–222. (in Russian).

- Кибак И.А. Законодательная техника в законотворческой деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2013. №1. С. 214–222.
- Kornev, A.S., Kuznetsov, V.A., Novikov, A.V. & Kostarev, D.F. (2022) The results of operational-search activities as evidence in the investigation and consideration of criminal cases (empirical analysis). *Matters of Russian and International Law*. 12(4A), 306–316. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.13.58.027> (in Russian).
- Корнев А.С., Кузнецов В.А., Новиков А.В., Костарев Д.Ф. Результаты оперативно-розыскных мероприятий как доказательства при расследовании и рассмотрении уголовных дел (эмпирический анализ) // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12. № 4А. С. 306–316. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.13.58.027>
- Negru, B. & Cojocar, V. (1997) *Legislative Technique: Lecture Notes*. Part 1. Chisinau. (in Romanian).
- Negru B., Cojocar V. Tehnologia legislativă: note de curs. Partea 1. Chişinău, 1997. 110 p.
- Polenina, S.V. (2011) Legal technique as a social phenomenon in the conditions of modernization. *State and law*. (9), 5–14. (in Russian).
- Поленина С.В. Юридическая техника как социальный феномен в условиях модернизации // Государство и право. 2011. № 9. С. 5–14.
- Schmidt, A.A. (2019) Structural analysis of the operational-search activity “inquiry”. Actual problems of combating crimes and other offenses. (19–1), 24–25. (in Russian).
- Шмидт А.А. Структурный анализ оперативно-розыскного мероприятия «наведение справок» // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2019. № 19-1. С. 24–25.
- Shafer, S.A. (2015) Investigative action – the legitimacy of new interpretation? *Lex Russica*. 107(10), 115–127. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2015.107.10.115-127> (in Russian).
- Шейфер С.А. Следственные действия – правомерны ли новые трактовки? // Lex Russica (Русский закон). 2015. Т. 107. №10. С. 115–127. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2015.107.10.115-127>
- Skurko, E.V. (2022) *The language of law*. Moscow, Yurlitinform Publ. (in Russian).
- Скурко Е.В. Язык права. М.: Юрлитинформ, 2022. 144 с.
- Smochina, A. & Smochina, C. (2023) *National legal doctrine: history and contemporaneity*. *Legal studies and research*. Part 1. (5), 13–29. (in Romanian).
- Smochină A., Smochină C. Doctrina juridică națională: istorie și contemporaneitate // Studii și cercetări juridice. Partea. Nr. 5. 2023. Pp. 13–29.
- Soloviev, O.G. (2015) The place and significance of университета legislative techniques in the process of constructing the norms of criminal legislation). *Legal Science*. (3), 65–68. (in Russian).
- Соловьев О.Г. Место и значение приемов законодательной техники в Процессе конструирования норм уголовного законодательства // Юридическая наука. 2015. № 3. С. 65–68.
- Timoshenko, A.A. (2007) Legal and technical problems of improving criminal procedural legislation. *Legal technology*. (1), 80–88. (in Russian).
- Тимошенко А.А. Юридико-технические проблемы совершенствования уголовно-процессуального законодательства // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 80–88.
- Vereshchagina, A.V. (2010) The project of reform of the preliminary investigation, prepared by commission of N.V. Muravyova. *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*. 2(6), 52–62. (in Russian).
- Верещагина А.В. Проект реформы предварительного следствия, подготовленный Комиссией Н.В. Муравьева // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного экономики и сервиса. 2010. № 2(6). С. 52–62.
- Vereshchagina, A.V. (2021) On the issue of abuse of law in Russian criminal proceedings. *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*. Vol. 13, № 4, 156–166. <https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2021-4/156-166> (in Russian).

Верещagina А.В. К вопросу о злоупотреблении правом в российском уголовном судопроизводстве // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2021. Т. 13, № 4. С. 156–166. <https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2021-4/156-166>

Vlasenko, N.A. (1995) *Fundamentals of legislative technique*. Irkutsk, East Siberian Book Publishing House. (in Russian).

Власенко Н.А. Основы законодательной техники. Иркутск, Восточно-сибирское книжное изд-во. 1995. 54 с.

Yakovets, E.N. (2023) Law enforcement intelligence “survey”: Modern understanding. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*. 1(21), 212 – 218. <https://doi.org/10.46741/2713-2811.2023.21.1.023> (in Russian).

Яковец Е.Н. Оперативно-розыскное мероприятие «опрос»: современное понимание // *Ius Publicum et Privatum*. 2023. № 1(21). С. 212–218. <https://doi.org/10.46741/2713-2811.2023.21.1.023>

Yakusheva, T.V. & Nikulin, N.V. (2018) Investigation Activity as a Constitutional Guarantee of Obtaining Evidence at Preliminary Investigation. *Izvestiya of Altai State University. Legal Sciences*. 6(104), 148–151. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2018\)6-27](https://doi.org/10.14258/izvasu(2018)6-27) (in Russian).

Якушева Т.В., Никулина Н.В. Следственные действия как конституционная гарантия собирания законных доказательств на предварительном следствии // Известия АлГУ. Юридические науки. 2018. №6 (104). С. 148–151.

Сведения об авторе:

Верещagina Алла Васильевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Владивостокский государственный университет (ВВГУ); 690014, Российская Федерация, г. Владивосток, ул. Гоголя, д. 41

ORCID ID: 0000-0002-2243-0007; ResearcherID: 287430; SPIN-код: 3889-3723,
e-mail: vereschagina_alla@mail.ru

About the author:

Alla V. Vereshchagina – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Vladivostok State University (VVSU), Russian Federation, 690014, Vladivostok, Gogol str., 41

ORCID ID: 0000-0002-2243-0007; ResearcherID: 287430; SPIN-code: 3889-3723,
e-mail: vereschagina_alla@mail.ru